

МИХАИЛ ТАМОЕВ

СХЕМА: НАЗАД В 90-Е

2026

Михаил Тамоев

Схема: Назад в 90-е

«Автор»

2026

Тамоев М. Ю.

Схема: Назад в 90-е / М. Ю. Тамоев — «Автор», 2026

Что делать, если ты проснулся в 1990 году? Артём Соколов — инженер-электронщик из 2024 года. Однажды утром он открывает глаза в общежитии рязанского института. На дворе май 1990-го. Ему снова двадцать лет. В стране тотальный дефицит, до путча — год, до распада СССР — полтора, до дефолта — восемь лет. Артём знает будущее. Даты, курсы валют, схемы ещё не изобретённых процессоров. Он может построить бизнес-империю с нуля — и начинает с самодельной игровой приставки, спаянной на коленке в заводском цехе. Но он не один. Где-то в Москве действует другой человек из будущего. Вадим — финансист, циник и спекулянт. Он тоже знает, что случится. И у него свои планы на эту страну. Двое из будущего. Один строит заводы, другой — финансовые пирамиды. Один спасает семью, другой — наживается на чужой беде. Их война продлится десятилетие и изменит всё. История о выживании в лихие 90-е, о битве за будущее и о цене, которую платит человек, знающий то, чего не знает никто.

© Тамоев М. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Пробуждение не по расписанию	5
Глава 2	21
Голос из будущего	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Михаил Тамоев

Схема: Назад в 90-е

Глава 1

Пробуждение не по расписанию

Артём открыл глаза и не узнал потолок.

Это было первое, что заставило сердце сжаться в груди, — не просто незнакомый потолок, а потолок из другой эпохи. Облупленная побелка с глубокой трещиной через весь угол, ржавые потёки от протекавшей когда-то крыши, серая штукатурка, которая местами отслоилась и обнажила дранку. Пахло сыростью, дешёвым табаком и карболкой, и ещё чем-то кислым, что он не мог опознать сразу, но что упорно напоминало о чём-то давно забытом.

Он зажмурился и снова открыл глаза. Потолок не изменился.

Тогда он попытался сесть и с размаху приложился лбом о верхнюю полку. Боль была острой, пронзительной и до странности отрезвляющей. Он зашипел сквозь зубы, схватился за голову и рухнул обратно на подушку — плоскую, сбитую, пахнущую чужим стиральным порошком. Перед глазами плыли оранжевые круги, и где-то в висках глухо пульсировала кровь. Он лежал несколько секунд, пытаясь отдышаться и понять, что произошло.

— Какого... — прошептал он и осёкся, не закончив фразу.

Голос был не его. То есть его, но не тот, к которому он привык за пятьдесят четыре года жизни. Моложе на несколько десятилетий, звонче, без привычной утренней хрипотцы, которая появилась после двадцати лет курения и сотен бессонных ночей над проектами. Он звучал как голос юноши, только вступающего в жизнь.

Артём поднёс руку к лицу и уставился на неё, раскрыв пальцы веером.

Это была не его рука. Совсем не его. Ни шрама на большом пальце от неудачно пойманного ножа — глупая история на кухне в тридцать восемь лет, когда он пытался разрезать замороженный кусок мяса, — ни выцветшей татуировки на предплечье, которую он сделал в пятьдесят, чтобы доказать себе, что ещё молод. Кожа была чистой, гладкой, без единого пятнышка, без старческих веснушек, которые начали появляться после сорока. Пальцы длинные, тонкие, почти юношеские, с аккуратными ногтями и без намёка на артрит.

Внутри что-то оборвалось, словно лопнула струна, натянутая до предела.

Он сел — на этот раз осторожно, помня о верхней полке, — и спустил ноги на пол. Железная койка под ним скрипнула протяжно и жалобно. Она была двухъярусной, старой, с облупившейся белой краской и панцирной сеткой, которая провисла до самого пола. Такие койки он видел только в детстве, в пионерском лагере под Рязанью, куда его отправляли на две смены каждое лето, пока родители работали на заводе. Но то было в середине семидесятых, целую вечность назад.

Слева стояла ещё одна койка, пустая и незаправленная, с комом сбитого одеяла в ногах. Справа — тумбочка, обклеенная выцветшими переводными картинками, и стул с гнутыми металлическими ножками. На стуле висела джинсовая куртка — жёсткая, синяя, с потёртостями на локтях. У окна притулился стол с облезлым лаком, на котором громоздилась груда учебников, перевязанных бечёвкой, и какой-то журнал с яркой обложкой.

Артём медленно, словно во сне, встал. Пол был холодным — крашенные доски, местами стёртые до серого дерева, с чёрными сучками, которые проступали сквозь облупившуюся

краску. Он сделал неуверенный шаг к окну и выглянул наружу, придерживаясь рукой за подоконник.

За окном шумели тополя, высокие и пыльные, с густой зелёной листвой, которая трепетала под лёгким майским ветром. Дальше виднелись серые корпуса с колоннами — явно учебные здания, — а над центральным входом висел выцветший красный транспарант с белыми буквами: «Вперёд, к победе коммунизма!». Буквы местами облупились, но лозунг всё ещё читался отчётливо и уверенно.

Артём попятился, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, а ноги становятся ватными.

— Этого не может быть, — сказал он вслух, и молодой голос снова резанул слух своей чуждостью. — Этого просто не может быть, это какой-то бред.

Он ущипнул себя за предплечье — сильно, до красного следа, до боли. Ничего не изменилось. Он не проснулся в своей постели в 2024 году, в своей квартире с натяжными потолками и пластиковыми окнами, не вынырнул из кошмара под привычное жужжание кондиционера. Реальность осталась прежней: общажная комната, майское солнце и транспарант за окном.

Тогда он взял учебник, лежавший на тумбочке. «Основы радиотехники», издание 1987 года, с твёрдой обложкой серого цвета. Пожелтевшие страницы, запах библиотечной пыли и старой бумаги. На форзаце — надпись синей шариковой ручкой, немного неровная, но разборчивая: «Артём Соколов, гр. РТ-87».

Он прочитал это имя три раза, водя пальцем по буквам.

Артём Соколов. Его собственное имя, его фамилия. Группа РТ-87 — это группа радиотехнического факультета Рязанского радиотехнического института. Факультет, с которого его отчислили в мае 1990 года за академическую неуспеваемость и какую-то тёмную историю с перепродажей дефицитных радиодеталей, подробностей которой он уже толком и не помнил.

Отчислили тридцать четыре года назад.

Он сел на койку и обхватил голову руками, сдавив виски ладонями. Мысли скакали, как испуганные воробьи, и ни одну из них не удавалось удержать дольше секунды. Что произошло? Как он оказался здесь? Это сон? Кома? Галлюцинация? Может быть, его похитили и накачали наркотиками? Или он сошёл с ума — окончательно и бесповоротно?

Он попытался вспомнить вчерашний день. 2024 год. Он работал над проектом реверс-инжиниринга старой игровой приставки «Dendy», которую заказал какой-то клиент — кажется, частный коллекционер или небольшой музей ретро-техники. Артём сидел допоздна в своей мастерской, пил зелёный чай из большой керамической кружки, смотрел на осциллограммы и делал пометки в блокноте. Потом лёг спать около двух ночи, выключив свет и проверив будильник на телефоне. Обычный вечер, ничего особенного. Никаких аномалий, никаких предчувствий.

А потом — это.

Он поднял голову и огляделся снова, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, хоть что-то, что могло бы объяснить происходящее. Его взгляд упал на зеркало, висевшее на стене у двери, — маленькое, в пластиковой оправе кремового цвета, с трещиной в левом верхнем углу. Он заставил себя встать, преодолевая дрожь в коленях, и подошёл к нему.

Из зеркала на него смотрел молодой парень.

Худое лицо с острыми скулами, которые всегда выделялись у него в юности. Светло-серые глаза — его собственные, но какие-то слишком яркие, не выцветшие. Короткий ёжик тёмных волос, которые ещё не начали редеть. Ни морщин у глаз, ни глубоких складок у рта, ни седины на висках. Он выглядел лет на двадцать, не больше, и это было невозможно.

Артём поднёс ладонь к щеке. Отражение повторило жест. Он потрогал волосы — они оказались жёсткими и густыми, совсем не такими, как в пятьдесят четыре года, когда он уже начал лысеть и подумывал о том, чтобы бриться наголо. Он провёл пальцами по подбородку

— гладко, ни намёка на щетину, хотя по утрам он привык видеть в зеркале седоватую двухдневную небритость.

И тогда его накрыло.

Он отшатнулся от зеркала, врезался спиной в шкаф и сполз на пол, тяжело дыша. В голове билась одна мысль, монотонная и страшная: «Я сумасшедший, я сошёл с ума, это конец». Потому что альтернативное объяснение было ещё более пугающим: это реальность, и он каким-то невероятным, невозможным, антинаучным образом оказался в 1990 году в своём собственном двадцатилетнем теле, которое он покинул тридцать четыре года назад.

Артём не знал, сколько времени он просидел так, обхватив колени и пытаясь унять дрожь. Минуту? Десять? Полчаса? Время потеряло смысл и растянулось в бесконечную резиновую ленту. Он смотрел на трещину в полу, на пылинки, танцующие в солнечном свете, и пытался заставить мозг работать, но тот отказывался подчиняться. Паника отступала медленно, как отлив, оставляя после себя опустошение и холодную пустоту.

В конце концов он сказал себе: «Хватит. Давай по порядку. Что мы знаем точно?»

Первое: он жив. Он чувствует боль, холод, запахи — значит, это не смерть и не кома. Второе: он в своём теле, только молодом. Это доказывают учебник, почерк, лицо в зеркале. Третье: вокруг него реальный, осязаемый, материальный мир, а не галлюцинация. Слишком много деталей — запах карболки, холодный пол, боль от удара о полку, — которые галлюцинация не смогла бы симитировать с такой точностью.

Если это реальность, с ней надо работать. Если он сумасшедший — какая разница? В любом случае нужно действовать.

Это была его обычная инженерная логика, вьёвшаяся в мозг за десятилетия работы: не можешь понять причину — работай со следствием. Не можешь объяснить явление — используй его.

Он заставил себя встать. Ноги дрожали, но держали. Он глубоко вздохнул и снова подошёл к зеркалу, теперь уже спокойнее, без паники во взгляде.

— Ладно, — сказал он своему отражению, глядя прямо в глаза. — Допустим, это правда. Допустим, ты — это я, только на тридцать четыре года моложе. Что теперь с этим делать?

В коридоре послышались шаги — тяжёлые, быстрые, уверенные. Дверь распахнулась без стука, и в комнату ввалился высокий рыжий парень в мятой футболке с надписью «Олимпиада-80» и тренировочных штанах с пузырями на коленях.

— Сокол! — гаркнул он так, что Артём вздрогнул и чуть не выронил зеркало. — Ты вообще живой? Я стучал, а ты не открываешь!

Артём уставился на него, пытаясь выудить имя из глубин памяти. Рыжие волосы, конопатое лицо, широкая улыбка — этот парень был из его прошлого, из того самого, что осталось в 1990 году. Они вместе учились, вместе жили в общежитии, вместе сдавали хвосты и бегали в самоволку. А потом, после института, пути разошлись, и дальше он знал о нём только по обрывкам слухов.

Паша. Точно. Паша Колесников.

— Паша, — выдохнул Артём, и голос прозвучал хрипло.

— Ну Паша, а кто же ещё? — рыжий прошёл в комнату и плюхнулся на его койку, отчего та жалобно скрипнула. — Ты чего сидишь как в воду опущенный? Заболел, что ли? Вид у тебя, честно говоря, как у привидения.

— Не выспался, — сказал Артём, пытаясь собраться с мыслями. — Кошмары снились. Всякая ерунда.

— Ну ты даёшь, — Паша хлопнул себя по колену и покачал головой. — А у нас через час пересдача у Андреича, ты забыл? Он с утра лютый, говорят, троих уже отчислил. Если ты не сдашь — всё, привет армия.

Пересдача. Это слово резануло память, как осколок стекла. В мае 1990 года он действительно завалил экзамен по основам радиотехники и шёл на пересдачу, как последний шанс. Но в прошлой жизни — той, которую он прожил когда-то — он провалил и пересдачу тоже, после чего вылетел из института с треском и позором.

— Я не пойду, — сказал он тихо, не думая.

— Чего-о-о? — Паша вытаращился, и его конопатое лицо вытянулось от изумления. — Ты что, дурак совсем? Если не сдашь — отчислят же! В армию забреют, а оттуда знаешь как возвращаются?

— Подожди, — Артём поднял ладонь, останавливая поток возмущения. — Дай мне минуту. Просто помолчи.

Он подошёл к окну и уставился на улицу, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Внизу, во дворе общаги, висело бельё на верёвках, натянутых между деревьями. Курили студенты, сидя на деревянных лавочках, смеялись девушки в лёгких платьях. Одна из них читала книгу, пристроив её на коленях, и время от времени поднимала голову, чтобы посмотреть на голубое небо. Всё это было реальным. Невозможным, необъяснимым, но реальным.

В голове что-то щёлкнуло, словно переключился тумблер.

Если он правда в 1990 году, то у него есть информация. Огромный, колоссальный массив информации о будущем на тридцать четыре года вперёд. Он знает, что будет с этой страной, с этими людьми, с заводами, которые дымят где-то за домами. Он знает даты путчей и дефолтов, знает, какие технологии взлетят до небес, а какие умрут, не родившись. Он знает, кто станет президентом и когда рухнет рубль. Это не просто второй шанс — это чит-код, это карта сокровищ с уже отмеченными кладками.

Но сначала — пересдача. Без диплома будет сложнее двигаться дальше.

— Ладно, — сказал он, поворачиваясь от окна. — Я пойду на пересдачу. Только дай мне пять минут умыться.

— Вот это другой разговор! — Паша просиял и хлопнул его по плечу. — Давай быстрее, я тебя у входа подожду.

Он вышел в коридор, насвистывая какую-то мелодию, а Артём взял полотенце, висевшее на спинке кровати, и отправился в умывальную комнату в конце коридора. По дороге он рассматривал общагу, и каждый предмет вызывал взрыв воспоминаний, похожий на фейерверк. Плакаты о перестройке на стенах, доска объявлений с расписанием субботников и ленинских зачётов, лозунг «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!», написанный от руки красной гуашью на ватмане и приклеенный к стене канцелярскими кнопками. Девушки в ситцевых платьях с цветочным узором, парни с причёсками, которые через пару лет будут казаться смешными и старомодными. Всё это было его прошлым, которое каким-то чудом снова стало настоящим.

В умывальной пахло хозяйственным мылом и сыростью, смешанной с запахом хлорки. Умывальники были старые, эмалированные, с трещинами и сколами, с кранами на один поворот, из которых текла ледяная вода. Он долго плескал её в лицо, пытаясь окончательно прийти в себя и прогнать остатки паники. Холод обжигал кожу и прояснял мысли.

Он поднял голову и снова увидел себя в зеркале над умывальником — большое, на полстены, с потускневшей амальгамой. Молодой, испуганный, но живой. Это было его лицо, его жизнь, его шанс.

— Ну что, Артём, — прошептал он, глядя в свои серые глаза. — Начинаем всё с чистого листа?

Он вернулся в комнату, оделся и вместе с Пашей вышел в коридор. План уже начал вырисовываться в голове — пока смутно, эскизно, но с каждым шагом всё чётче. Пересдача, потом разговор с Андреичем, потом радиорынок на Приокском. А дальше — посмотрим по обстоятельствам.

Главное — начать.

Артём натянул джинсы — жёсткие, неудобные, явно советского пошива, с грубой фурнитурой и запахом фабричного красителя, — накинул рубашку в клетку и сунул ноги в кроссовки. Кроссовки были советскими, с высокой шнуровкой и твёрдой подошвой, которая ещё не успела принять форму его стопы. В кармане джинсов что-то звякнуло. Он высыпал содержимое на ладонь: три рубля монетами — два по рублю и один юбилейный, с Лениным, — и одна мятая купюра в пять рублей, которую явно не раз складывали и разворачивали.

Пять рублей и три монеты. Восемь рублей в мае 1990 года.

Он попытался вспомнить, что можно было купить на эти деньги. Пачка хороших сигарет стоила рубль, если брать у спекулянтов на вокзале. Буханка чёрного хлеба — двадцать копеек в государственном магазине, если повезёт отстоять очередь. Проезд в автобусе — пять копеек, в троллейбусе — четыре. На рубль можно было взять два пирожка с ливером в привокзальном буфете и ещё сдача осталась бы. Но главное — на руках у него было всего восемь рублей, и это всё, чем он располагал в новой старой жизни. Никаких сбережений, никаких активов, никаких связей. Только знание будущего и инженерный опыт длиной в тридцать четыре года.

Они вышли в коридор и направились к лестнице. В общаге кипела жизнь: кто-то бежал с конспектами под мышкой, кто-то курил у открытого окна, стряхивая пепел на подоконник, кто-то громко спорил о вчерашнем хоккейном матче. Навстречу попался парень с кассетным магнитофоном на плече, из динамиков лилась песня «Белые розы» группы «Ласковый май» — хрипловатый голос Юры Шатунова, который знала наизусть вся страна. Артём скосил взгляд на магнитофон. Это была «Электроника-302», одна из немногих советских моделей, которую можно было купить в универмаге за триста пятьдесят рублей, если повезёт наткнуться на свежий завоз.

Триста пятьдесят рублей. Почти две полные зарплаты инженера. Или пять месяцев стипендии.

— Паш, — спросил он, когда они спускались по лестнице, — а почём сейчас двухкасетники японские?

Паша удивлённо поднял брови и даже остановился на секунду.

— Ты чего, купить собрался? Дорого это, Сокол. Sharp — полторы штуки, а то и две. И это ещё если найдёшь, у нас в Рязани их днём с огнём не сыщешь. Только в Москву ехать, к фарцовщикам на «плешку».

Полторы тысячи рублей. Десять месячных зарплат инженера. Но через год, когда цены отпустят и начнётся гайдаровская реформа, эта цифра покажется смешной и несерьёзной.

Они спустились на первый этаж и вышли на улицу через тяжёлую деревянную дверь с облупившимся лаком. Солнце уже припекало по-настоящему, обещая жаркий майский день. Пахло тополиным пухом, который лениво летел по воздуху и оседал на асфальте белыми хлопьями, и бензином от припаркованного неподалёку грузовика. У входа в общагу стояла тележка с мороженым, продавщица в белом колпаке и застиранном фартуке лениво отмахивалась от мух сложенной газетой.

— Мороженое будешь? — спросил Паша, кивая в сторону тележки.

— Почем?

— Да копейки. Эскимо на палочке — двадцать пять копеек. Пломбир в вафельном стаканчике — одиннадцать. Молочное в бумажном — семь.

Артём отрицательно покачал головой. Он берёт свои восемь рублей для более важного дела, чем мороженое.

Они пошли через сквер к главному корпусу института. По дороге Паша без умолку рассказывал о последних новостях: кто-то женился на прошлой неделе, кто-то уехал в стройотряд на лето, кто-то сумел достать дефицитные кроссовки «Adidas» за бешеные деньги у приезжих

спекулянтов. Артём слушал вполуха, лихорадочно прокручивая в голове варианты дальнейших действий.

Итак, май 1990 года. Что у него есть?

Знание электроники и программирования на сорок лет вперёд — это главный актив. Он знает архитектуру процессоров, которые ещё не изобретены, он знает, как работают сотовые сети и интернет, которые здесь пока кажутся научной фантастикой. Он знает схемы игровых консолей, которые только через пару лет появятся в Японии и ещё через несколько лет доберутся до России через челноков и коммерческие ларьки. Он мог бы спроектировать устройство, которое перевернёт рынок, — если найдёт компоненты, производство и каналы сбыта.

Но прямо сейчас всё это не стоило ни копейки. Потому что не было ни компонентов, ни производства, ни связей, ни даже нормального стартового капитала. Нужно было начинать с малого, с самых азов.

Они подошли к главному корпусу — массивному серому зданию с колоннами и широкими лестницами. У входа толпились студенты, кто-то судорожно зубрил конспекты, сидя прямо на ступеньках, кто-то курил, оглядываясь по сторонам — не видит ли декан. В воздухе висел привычный гул молодых голосов, смех, обрывки споров.

— Слушай, Паш, — Артём вдруг остановился у самых дверей, — а где у нас в Рязани радиорынок?

— Какой радиорынок? — не понял Паша и наморщил лоб. — На Птичке, что ли?

— Да, наверное. Где радиодетали продают.

— Так это на Приокском, у автовокзала. Там по выходным мужики с чемоданами собираются, продают всё подряд — резисторы, транзисторы, платы всякие. А тебе зачем?

— Надо, — коротко ответил Артём и больше ничего не добавил.

Паша пожал плечами, но расспрашивать не стал — он уже привык, что его друг сегодня ведёт себя странно.

У входа в аудиторию номер 307 их встретил невысокий мужчина с пышными усами и усталыми глазами — тот самый Андреич, преподаватель теоретических основ радиотехники. Ему было около пятидесяти, он носил очки в тонкой металлической оправе и серый пиджак с кожаными заплатками на локтях. В институте его уважали и боялись одновременно: он слыл справедливым, но беспощадным экзаменатором.

— Соколов, — сказал он сухо, держа перед собой ведомость. — Явился. Заходи, посмотрим, на что ты способен.

Артём вошёл в аудиторию, сел за первую парту и взял билет из стопки, которую Андреич подвинул к нему. Вопросы были элементарными — основы схемотехники, принцип работы биполярного транзистора, расчёт простых электрических цепей. Для человека, который тридцать с лишним лет проектировал электронику и знал архитектуру процессоров до мельчайших деталей, это было как таблица умножения для профессора математики.

Он написал ответ за десять минут, почти не задумываясь, и молча положил листок на стол преподавателя.

Андреич поднял брови и посмотрел на него поверх очков.

— Быстро ты. Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что ты тут понаписал... — он пробежал глазами по строчкам, и его лицо медленно вытянулось от удивления. — Соколов, ты откуда это знаешь? Только честно.

— Из учебника, — спокойно ответил Артём.

— Из учебника? — преподаватель недоверчиво хмыкнул и покачал головой. — В учебнике этого нет. Ты описал схему, которую я видел только в закрытых методичках для военных инженеров. Ты где-то стажировался? На заводе? В КБ?

Артём пожал плечами, сохраняя невозмутимое выражение лица.

— Читал кое-что дополнительно. Книжки, журналы. Интересуюсь темой.

Андреич долго смотрел на него, прищурившись, потом медленно поставил зачёт в ведомость и захлопнул её.

— Иди, Соколов. Но если хочешь — зайди после занятий ко мне на кафедру. Есть один разговор, не по учебной части.

Артём вышел в коридор, ощущая странное удовлетворение. Он не просто сдал зачёт, который в прошлой жизни провалил с треском, — он привлёк внимание человека, который мог быть полезен. Кафедра радиотехники имела связи с заводами, а заводы — это производственные мощности, печатные платы, паяльные цеха. Без этого никакую приставку не запустить.

Паша ждал его у окна, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Ну что там? Завалил?

— Зачёт, — сказал Артём и улыбнулся.

— Серьёзно? — рыжий чуть не поперхнулся. — Андреич тебя не съел? Не размазал по стенке?

— Нет. Даже похвалил.

— Ну ты даёшь, Сокол, — Паша восхищённо покачал головой. — То ходишь как в воду опущенный, то зачёты сдаёшь быстрее всех. Ты часом не заболел? Может, тебе в санчасть сходить?

— Не надо в санчасть. Слушай, Паш, а где у нас ближайший коммерческий ларёк с импортной жвачкой?

Паша уставился на него с таким выражением, словно у его друга окончательно поехала крыша и он требует вызвать санитаров.

— Тебе жвачку? На те деньги, что у тебя есть?

— Нет. Просто хочу посмотреть.

Они вышли из института и направились в сторону остановки. По дороге Артём внимательно разглядывал город, впитывая каждую деталь. Рязань 1990 года была совсем не похожа на ту Рязань, которую он помнил из будущего. Никаких супермаркетов с яркими вывесками, никаких рекламных щитов на каждом углу, никаких иномарок на дорогах. Только серые панельные пятиэтажки и девятиэтажки с облупившейся краской, редкие «Жигули» и «Москвичи» у тротуаров, трамваи, которые мелодично звенели на поворотах, да троллейбусы с круглыми фарами, напоминавшими глаза удивлённой рыбы.

У перекрёстка улиц Циолковского и Гагарина стояла коммерческая палатка — деревянная, обитая жёстью, с маленьким окошком, закрытым пластиковой шторкой. Рядом толпились люди, очередь человек в десять. Артём подошёл поближе и заглянул в окошко поверх голов. На полках за стеклом лежали пачки жевательной резинки «Turbo» с яркими вкладышами, шоколадки «Mars» и «Snickers» в блестящих обёртках, несколько запотевших банок «Pepsi».

Он прочитал цены на ценнике, приклеенном скотчем к стеклу изнутри.

Жвачка «Turbo» — пять рублей. Шоколадка «Mars» — восемь рублей. Банка импортной «Pepsi» — шесть рублей.

Это были бешеные, запредельные деньги по местным меркам. При зарплате инженера в двести рублей одна пачка жвачки стоила два с половиной процента месячного дохода — как если бы в 2024 году плитка шоколада стоила две с половиной тысячи. Но люди всё равно покупали, выстаивая очереди. Покупали, потому что это было в диковинку, потому что импортное автоматически значило «лучшее», потому что советские товары почти пропали с прилавков, а эти — лежали и манили яркими обёртками из другого мира.

Артём повернулся к Паше и хлопнул его по плечу.

— Знаешь, — сказал он задумчиво, глядя на витрину, — я, кажется, понял, с чего начать.

— С чего? — Паша уставился на него с недоумением.

— С восьмью рублями, — ответил Артём и зашагал в сторону автовокзала.

До радиорынка было минут сорок пешком, и он решил не тратить деньги на автобус — каждая копейка была на счету. Он шёл по улицам Рязани, разглядывая вывески и витрины, и память подбрасывала ему воспоминания одно за другим. Вот гастроном, куда они с матерью ходили за молоком по воскресеньям. Вот кинотеатр «Родина», где он смотрел «Человека с бульвара Капуцинов» в восемьдесят седьмом. Вот сквер с фонтаном, в котором он купался пьяным на выпускном. Всё было знакомым и одновременно чужим, как декорации к фильму, который он видел очень давно.

Он подумал о родителях, и сердце сжалось от острой, почти физической боли.

Отец — Соколов Николай Петрович, пятьдесят два года. Всю жизнь проработал на Рязанском приборном заводе, прошёл путь от ученика токаря до начальника участка в механосборочном цехе. Суровый, молчаливый мужчина с натруженными руками и вечной складкой между бровей. В прошлой жизни у него случился инфаркт в девяносто седьмом — прямо на заводе, во время ночной смены. Артём тогда был в Москве, даже не успел попрощаться. Сейчас, в 1990 году, отец был ещё жив, здоров и даже не подозревал о том, что его сердце начнёт сдавать через семь лет.

Мать — Соколова Валентина Ивановна, сорок восемь лет. Работала инженером-технологом на том же приборном заводе, в цехе микроэлектроники. Мягкая, добрая женщина, которая всегда находила нужные слова и умела успокоить даже в самые трудные моменты. В прошлой жизни она пережила отца на десять лет, но так и не оправилась от его смерти. Артём помнил, как она угасала медленно, теряя интерес к жизни, и ничего не мог с этим поделать.

Родители жили в заводском микрорайоне, в обычной панельной пятиэтажке на улице Бирюзова. Квартира была трёхкомнатной — по советским меркам целое богатство, — но крохотной: кухня шесть квадратных метров, проходная гостиная, спальня родителей и его комната, в которой он вырос. Сейчас, в мае 1990 года, они были там, в этой квартире, и не знали, что их сын только что пережил прыжок длиной в тридцать четыре года.

Артём встряхнул головой, прогоняя воспоминания. О родителях он подумает позже. Сначала нужно было выбраться из финансовой ямы и встать на ноги.

Радиорынок на Приокском он нашёл не сразу — пришлось дважды спросить дорогу у прохожих. В прошлой жизни он бывал здесь всего пару раз, ещё студентом, и воспоминания почти стёрлись за давностью лет. Но когда он свернул за угол автовокзала и увидел ряды самодельных прилавков и раскладных столиков, память включилась сама собой, как старая лампочка, которую наконец-то вкрутили в патрон.

Это место в народе называли «Птичкой», хотя птицами здесь не торговали уже лет пять. Теперь это была барахолка радиолюбителей со всей области: десятки мужиков с чемоданами, раскладушками и просто кусками картона, на которых были аккуратно разложены детали всех видов и мастей. Резисторы россыпью, связанные в пучки резинками, конденсаторы на развес в полиэтиленовых пакетиках, транзисторы, воткнутые ножками в пенопласт, платы от разобранных телевизоров и магнитофонов, антенны, мотки проводов и даже пара старых осциллографов, которые какой-то дед в очках с толстыми линзами пытался завести от автомобильного аккумулятора, присоединяя провода трясующимися руками.

Пахло канифолью, оловом, нагретым на солнце пластиком и дешёвыми сигаретами «Прима». Над рынком стоял негромкий, но непрерывный гул голосов — здесь не кричали, как на вещевых барахолках, здесь говорили тихо, по-деловому, иногда переходя на технический жаргон, понятный только посвящённым.

Артём медленно пошёл вдоль рядов, внимательно разглядывая товар и прикидывая цены.

Советские транзисторы КТ315 в пластиковом корпусе — тридцать копеек штука, если брать с лотка. Микросхема К155ЛА3 в керамике — сорок копеек. Разъёмы и колодки всех типов — по пятнадцать-двадцать копеек за штуку. Переменный резистор советского производства — рубль, импортный — полтора.

Он останавливался у каждого прилавка и мысленно сопоставлял цены с теми, что помнил из будущего. Это было странное, сюрреалистическое чувство — видеть детали, которые через тридцать лет станут коллекционными раритетами и будут продаваться на eBay за десятки долларов, а пока лежат грудой, как никому не нужный мусор. Он знал, что из этого мусора можно собрать устройство, которое через пару лет будет стоить целое состояние.

Схема игровой консоли «Dendy» — по сути, клон японской Famicom — была у него в голове до последнего резистора и конденсатора. Он мог бы нарисовать её с закрытыми глазами. Процессор восьмибитный, на базе архитектуры MOS 6502, графический сопроцессор PPU, оперативная память на два килобайта, контроллер ввода-вывода — примитив по меркам 2024 года, но чудо техники для 1990-го. Здесь, на рынке, можно было найти почти всё необходимое для сборки прототипа. Не хватало только специализированной микросхемы PPU, которая была заказной и не продавалась отдельно, но её функции можно было эмулировать на связке из дискретной логики.

Он остановился у прилавка, где пожилой мужик с седыми усами и в кепке-аэродроме торговал импортными радиодетальями — это была редкость по тем временам и привлекала самых продвинутых радиолюбителей.

— Японское? — спросил Артём, кивая на микросхему в антистатическом пакете, которая лежала на бархатной тряпочке.

— Японское, — подтвердил мужик с гордостью. — От видеомэгнитофона Sharp. Рабочая, сам проверял на стенде. Полтинник.

Пятьдесят рублей. Целое состояние по меркам студента, две с половиной стипендии. Но Артём понимал, что эта микросхема может стать ключом к его первому устройству.

— А процессор от чего-нибудь импортного есть? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

Мужик посмотрел на него с интересом, прищурившись.

— Ты, парень, сам-то откуда будешь? Из радиотехнического?

— Оттуда.

— Тогда слушай сюда внимательно, — мужик понизил голос и наклонился ближе. — Процессоры импортные просто так не продаются, они все на учёте. Каждая штука подотчётна. Но если тебе надо что-то конкретное, могу узнать через знакомых. Есть у меня люди на заводе, списывают иногда платы от импортного оборудования. Но это будет дорого, ты уж учти.

— Сколько примерно?

— Сотня, не меньше. А то и полторы.

Артём кивнул, стараясь не показывать разочарования. Сто рублей — это была половина месячной зарплаты его отца. Но он понимал, что эта инвестиция окупится тысячекратно, если всё получится.

— Я подумаю, — сказал он и пошёл дальше вдоль рядов.

У следующего прилавка его внимание привлёк молодой парень в джинсовой жилетке, который раскладывал на газете «Правда» советские игровые приставки. «Электроника ИМ-02» с примитивной графикой, «Видеоспорт» с теннисом, «Ну, погоди!» — та самая, с волком из мультфильма, который ловит яйца в корзину. Простейшая одночиповая игра, которая когда-то казалась ему чудом техники.

Артём взял приставку в руки и повертел. Оранжевый пластик, жёлтые кнопки, пиксельный волк на крышке. В прошлой жизни, уже в зрелом возрасте, он купил такую же на барахолке за три тысячи рублей — как артефакт ушедшей эпохи, как экспонат для коллекции. А сейчас эта приставка ещё не была артефактом. Она была просто игрушкой, которую мог купить любой, у кого водились деньги.

— Почему «Ну, погоди!»? — спросил он.

— Сто двадцать рублей, — ответил парень, не поднимая головы от своего товара. — Новая, в заводской коробке, с паспортом и гарантией.

Сто двадцать рублей. Почти две трети инженерской зарплаты.

— А битая есть? Та, что на запчасти?

Парень поднял глаза, оценил потёртые джинсы Артёма и его простую рубашку и, видимо, понял, что богатого клиента тут нет и не предвидится.

— Есть одна, экран не включается. Я с неё уже кое-что выпаял, плата тамдохлая полностью, но корпус целый. Могу за пятёрку отдать, если надо.

Пять рублей. Как раз та купюра, что лежала у него в кармане.

Артём понимал, что корпус от «Ну, погоди!» категорически не подходит для его схемы. Там просто нет места — крохотная коробочка размером с ладонь, рассчитанная на одну-единственную микросхему и пару кнопок. Серьёзную плату с процессором, памятью и графическим контроллером туда не втиснуть при всём желании. Но он всё равно протянул парню мятую пятёрку, потому что захотелось поддержать эту вещь — как привет из прошлого, которое теперь стало настоящим, как напоминание о том, ради чего он всё это затевал.

— Забирай, — парень пожал плечами и вытащил из-под прилавка разобранный корпус. — Всё равно выбрасывать собирался.

Артём взял корпус и повертел в руках. Оранжевый пластик, знакомые кнопки, волк на крышке. Внутри болтался только динамик — всё остальное уже сняли. Он спрятал игрушку в сумку и уже собирался уходить, но потом остановился.

— Слушай, — спросил он у парня, — а пустые корпуса от больших приборов тут кто-нибудь продаёт?

— От каких именно?

— От осциллографов, от кассовых аппаратов, от заводских тестеров. Что-нибудь такое, куда плата побольше влезет.

Парень задумался на секунду, почесав затылок.

— Есть тут один дед на дальнем конце рынка, торгует старыми измерительными приборами, которые с заводов списывают. У него бывают корпуса от тестеров сигналов и от частотомеров. Спроси у мужиков с чемоданами, они подскажут.

— Спасибо.

Артём направился в указанную сторону и через двадцать минут стал обладателем списанного корпуса от заводского тестера сигналов — тяжёлого, железного, выкрашенного серой эмалью, с вентиляционными прорезями на боках и удобной откидной крышкой на петлях. Дед, продавший его, долго тряс головой и спрашивал, зачем студенту такая рухлядь, но три рубля взял с видимым удовольствием. Корпус был некрасивый, громоздкий и кое-где тронутый ржавчиной, но внутрь спокойно входила плата размером с альбомный лист, и ещё оставалось место для блока питания.

Для прототипа — идеально.

Артём вышел с рынка без копейки в кармане, но с двумя корпусами в сумке: один — игрушечный, оранжевый, для души и воспоминаний, второй — железный, серый, для дела. Он остановился у входа, щурясь от яркого майского солнца, и посмотрел на часы, висевшие на здании автовокзала. Половина третьего. День только начинался, а он уже успел прожить целую жизнь — проснуться в незнакомом теле, сдать экзамен, побывать на радиорынке и потратить все деньги до копейки.

В животе заурчало требовательно и настойчиво. Он вдруг остро осознал, что не ел с самого пробуждения. Вернее, не ел в этом теле. Его сознание помнило вчерашний ужин в 2024 году — куриную грудку с овощами, запечённую в аэрогриле, — но желудок двадцатилетнего парня был пуст и настойчиво требовал пищи.

Артём пошарил в карманах. Пусто, только монетка в пять копеек завалялась в подкладке пиджака, который он накинул поверх рубашки. Этого не хватило бы даже на стакан чая в институтском буфете без сахара. Он вздохнул и зашагал в сторону общаги, размышляя о том, где раздобыть денег на ужин.

По пути он снова разглядывал город, и каждая деталь откладывалась в памяти. У продовольственного магазина на углу стояла длинная очередь — человек двадцать пять, не меньше. Видимо, выбросили какой-то дефицит, и народ занимал места с самого утра, даже не зная точно, что именно привезли. Артём машинально замедлил шаг и прислушался к разговорам.

— Чего дают? — спросил мужчина в серой кепке.

— Масло сливочное, — ответила женщина с бидоном, стоявшая впереди. — По три пятьдесят за килограмм. И колбасу варёную обещают подвезти к вечеру, по два двадцать, если успеют до закрытия.

Три рубля пятьдесят копеек за килограмм сливочного масла. Два двадцать за варёную колбасу. Цены, которые через полтора года покажутся смешными и нереальными, а пока это были ощутимые деньги, на которые жили миллионы людей.

Он прошёл мимо очереди и свернул во двор общаги. У входа стояла компания студентов — три парня и две девушки. Они что-то оживлённо обсуждали, размахивая руками и смеясь. У одной из девушек в руках был портативный плеер — маленький, серебристый, с наушниками на тонком металлическом ободке. Артём задержал взгляд на секунду. Это был Sony Walkman, модель примерно 1988 года, с автореверсом и графическим эквалайзером. В Советском Союзе такая вещь стоила целое состояние — рублей восемьсот, а то и тысячу, если брать у фарцовщиков.

— Сокол! — окликнул его один из парней, Серёга с третьего этажа. — Ты на пляж завтра идёшь или нет?

Артём остановился и обернулся.

— Какой пляж?

— На Оке, за железнодорожным мостом. Там шашлыки будут, магнитофон принесём, девчонок позвали. У Коляна батя кассеты из Москвы привёз — «Кино», «Наутилус», «Алиса», всё по последнему слову. Ты идёшь?

Артём на секунду завис, пытаясь вспомнить этот поход на пляж. В прошлой жизни он, кажется, напился там портвейна и полез в воду прямо в одежде, а потом две недели провалялся с жестоким бронхитом. Но это было так давно, что детали почти стёрлись.

— Посмотрим, — сказал он. — Если дела позволят.

— Какие у тебя дела? — засмеялся Серёга. — Ты же без пяти минут отчисленный!

— Уже нет, — Артём улыбнулся в ответ. — Пересдал сегодня.

— Да ладно? Андреичу? — Серёга присвистнул от удивления. — Ну ты даёшь, Сокол. С тебя простав.

Девушка с плеером — её звали Лена, Артём вдруг вспомнил это имя, — посмотрела на него с интересом, но ничего не сказала, только улыбнулась уголками губ. Он кивнул ей и пошёл в общагу.

В комнате было пусто и душно от нагретого за день воздуха. Паша куда-то ушёл, оставив на столе раскрытую тетрадь с недописанным конспектом и огрызок карандаша. Артём сел на койку, вытащил из сумки оба корпуса и поставил их на стол перед собой.

Оранжевая игрушка от «Ну, погоди!» поехала на тумбочку — как талисман, как напоминание о детстве и о том, ради чего всё это. Тяжёлый серый корпус от заводского тестера он открыл, прикинул размеры, измерил ладонями. Внутреннего пространства было достаточно для материнской платы приличного размера, блока питания и пары разъёмов под картриджи. Не идеально, некрасиво, но для прототипа — вполне.

Он закрыл корпус и потянулся за карандашом. Теперь — схема.

Он закрыл глаза и попытался восстановить в памяти архитектуру Famicom. Процессор на базе 6502 — восемь бит, тактовая частота чуть меньше двух мегагерц. На этом процессоре работали не только игровые приставки, но и ранние модели Apple, и Commodore, и куча промышленного оборудования. В Советском Союзе его не производили, но были функциональные аналоги — например, процессор 580BM80, который стоял во многих советских ЭВМ. Правда, он был не полностью совместим по набору команд, но это можно было обойти программно, написав свою прошивку.

Графический процессор — вот где была главная проблема. PPU в Famicom был заказной микросхемой, которую не продавали отдельно нигде в мире. Но Артём знал, что его функции можно эмулировать на связке из нескольких микросхем памяти и буферной логики. Медленнее, громоздче, но вполне работоспособно.

Он взял с тумбочки огрызок карандаша и клочок бумаги — Пашину тетрадь трогать не стал, — и начал рисовать. Шина данных, шина адреса, порты ввода-вывода, контроллер прерываний, тактовый генератор. Линии ложились на бумагу уверенно, словно он делал это каждый день. Рука сама вспоминала то, что голова, казалось, давно забыла. Через полчаса перед ним лежал черновик принципиальной схемы — грубый, с пометками, но уже вполне читаемый и осмысленный.

Он подсчитал примерное количество компонентов. Десятка три микросхем разного типа, пара сотен резисторов и конденсаторов, кварцевый резонатор на нужную частоту, разъёмы под картриджи и джойстики. Если покупать всё на рынке в розницу, выйдет рублей двести-триста. Это без картриджа и без джойстиков. Картридж — отдельная песня, там нужна была микросхема ПЗУ, а она тоже стоила приличных денег.

Двести-триста рублей. Четыре-пять стипендий. Месячная зарплата отца с небольшим.

Артём отложил карандаш и потёр переносицу. План был дерзким, но выполнимым. Главное — найти источник финансирования. И он уже знал, с чего можно начать.

В дверь постучали, и он вздрогнул от неожиданности.

— Заходи, — сказал он, не оборачиваясь.

Вошёл Паша с пакетом в руках, и по комнате поплыл запах свежего хлеба.

— Ты чего сидишь в темноте? — он щёлкнул выключателем, и комнату залил тусклый жёлтый свет от лампочки без плафона, свисавшей с потолка на витом проводе. — Я тебе пожарть принёс, ты, наверное, голодный как волк.

— Спасибо, — Артём отложил бумаги и повернулся.

Паша выгрузил на стол свои дары: полбуханки чёрного хлеба, нарезанного толстыми ломтями, полбатона «Докторской» колбасы в масляной бумаге, два плавленых сырка «Дружба» в фольге и бутылку кефира с зелёной крышкой.

— Откуда такое богатство? — удивился Артём.

— Мать приезжала сегодня утром, передала, — Паша махнул рукой. — Ты ешь давай, а то выглядишь так, будто неделю не жрал.

Артём принялся за еду. Колбаса была всё та же, «Докторская», с нежным молочным вкусом и плотной текстурой, совсем не похожая на современные аналоги, напичканные соей и крахмалом. Хлеб был свежим, с хрустящей корочкой и мягким мякишем, который пах детством. Кефир — холодным, из холодильника на вахте, куда Паша успел засунуть бутылку.

— Паш, — сказал он, дожёвывая бутерброд. — А ты когда-нибудь думал, что будет через пару лет?

— В каком смысле? — Паша сел на свою койку и вытянул ноги.

— В стране. Перестройка, реформы, всё такое. Говорят, к рынку переходим.

— Да кто его знает, — Паша почесал затылок. — Горбачёв по телевизору опять что-то говорил про ускорение. То ли цены поднимут, то ли наоборот. Я в политике не очень разбираюсь, если честно.

— А представь, что будет настоящий рынок. Всё можно будет купить, если есть деньги.

— Так у нас и сейчас деньги есть, — усмехнулся Паша. — Только купить нечего. В универмаге шаром покати, пустые полки. Джинсы — только у фарцовщиков, кроссовки приличные — если повезёт. Ты вон на свои посмотри.

Артём глянул на свои кроссовки — советские, с высокой шнуровкой и твёрдой, негнушейся подошвой. Да, до «Adidas» им было как до Луны пешком.

— А если бы ты мог что-то производить? — спросил он. — Что-то, чего ни у кого нет. Например, игровую приставку с картриджами.

— Как «Ну, погоди!»? — Паша оживился. — Да ну, это дорого. Сто двадцать рублей за штуку! Кто ж столько заплатит?

— А если она будет не как «Ну, погоди!», а с разными играми? Вставил картридж — играешь в одно. Вставил другой — играешь в другое.

Паша посмотрел на него с сомнением и даже отставил бутылку кефира в сторону.

— Такие только в Японии делают. Или в Америке. У нас такое не умеют.

— А если я скажу, что умеют? — Артём подвинул к нему свой черновик со схемой.

Паша уставился на схему, хмурия брови. Он не был силен в радиотехнике, но базовые обозначения знал и мог отличить резистор от конденсатора.

— Это ты сам нарисовал? — спросил он после долгой паузы.

— Сам, — подтвердил Артём.

— Слушай, Сокол, — Паша отложил листок в сторону и посмотрел на него серьёзно. — Ты сегодня какой-то другой. То зачёт сдаёшь за десять минут, то схемы рисуешь, которых в учебниках нет. Ты что, гений?

Артём усмехнулся и покачал головой.

— Нет, не гений. Просто много читал в последнее время.

— Ну-ну, — Паша явно не поверил, но попытаться не стал. — Ладно, дело твоё. Только если ты правда собираешься это делать, имей в виду: тут без взрослых мужиков не обойтись. Нужен цех, нужны детали, нужно разрешение от начальства. Это тебе не курсовую сдать за ночь.

— Я знаю, — Артём кивнул. — Поэтому завтра иду на кафедру к Андреичу. А потом, если повезёт, на завод.

— К Андреичу? — Паша присвистнул. — Ну, удачи. Только будь осторожен. Андреич мужик хороший, но с закидонами. Если решит, что ты его разводишь, в порошок сотрёт и даже не вспотеет.

— Не сотрёт, — Артём убрал черновик в учебник, чтобы не помялся. — У меня есть что ему показать.

Они проговорили ещё час. Вернее, говорил в основном Паша — рассказывал об институтских сплетнях, о том, кто с кем встречается, кто собирается ехать в стройотряд летом, кто сумел достать билеты на концерт «Кино» в Москву. Артём слушал вполуха, но иногда в памяти вспыхивали картинки из прошлой жизни — он уже знал, кто из этих людей через год уедет за границу и не вернётся, кто сопьётся, кто погибнет в бандитских разборках девяностых.

Это было странно и жутко — сидеть рядом с живым Пашей и знать, что через шесть лет он попадёт под шальную пулю в разборке на местном рынке. В прошлой жизни Артём узнал об этом случайно, от общих знакомых, через десять лет после события. А сейчас Паша сидел напротив, смеялся, хрустел плавленым сырком и не подозревал о том, что его ждёт.

Артём ничего ему не сказал. Во-первых, Паша всё равно не поверил бы — он был слишком приземлённым и практичным для таких разговоров. Во-вторых, Артём ещё не знал, можно ли менять будущее. Если он предупредит Пашу и тот изменит своё поведение, выживет ли он? Или судьба найдёт другой способ?

Это был вопрос не на сегодня.

К десяти вечера Паша ушёл к соседям играть в карты на интерес, а Артём разделся и лёг в постель. Тело ныло от усталости — за день он намотал километров десять пешком по рязанским улицам. Но сон не шёл, мысли крутились в голове, как бесконечная карусель.

Он лежал и смотрел в потолок, на трещину в побелке, и думал о будущем.

В 2024 году у него была неплохая жизнь — спокойная, размеренная, предсказуемая. Своя квартира, работа в небольшой инженерной фирме, редкие заказы от коллекционеров ретро-техники. Он не был богат, но и не бедствовал. Его жизнь была ровной, как асфальтовое шоссе, — без особых взлётов, но и без глубоких падений.

Он вспомнил свой последний проект — восстановление «Dendy» для какого-то клиента. Тот попросил не просто починить приставку, а разобрать её до последнего винтика и сделать полную техническую документацию. Кажется, это был небольшой музей или частная коллекция. Артём провёл за работой две недели, изучая каждую дорожку на плате, каждый чип, каждую перемычку. Он снял копию ПЗУ с картриджа, проанализировал код игр, даже написал небольшой эмулятор на Python, чтобы проверить свои выводы.

Он знал эту приставку лучше, чем кто-либо в этом мире. Лучше, чем сами японские инженеры, которые её создали в начале восьмидесятых, потому что у него было тридцать лет развития технологий за плечами и возможность видеть их ошибки в ретроспективе.

И вот теперь все эти знания могли пригодиться. Не для музейной работы — для настоящего дела.

Он закрыл глаза и представил себе цех. Большое светлое помещение с конвейерной лентой, паяльные станции, монтажники в синих халатах. Платы, которые едут по ленте одна за другой, — его платы, с его схемой. Готовые приставки упаковываются в картонные коробки и уезжают в магазины. Дети по всей стране играют в его игры. Он становится пионером рынка, опережая конкурентов на годы вперёд.

Мечта была дерзкой, почти безумной, но осуществимой. Он знал, что в 1992 году в Россию хлынут китайские клоны Famicom, и тот, кто успеет занять нишу раньше, соберёт все сливки. У него было два года форы. Два года на то, чтобы разработать, запустить и раскрутить производство.

Мало. Но достаточно, если действовать быстро и без ошибок.

С этими мыслями он провалился в сон.

Утром его разбудил Паша, который бесцеремонно тряс за плечо.

— Сокол, подъём! Ты на кафедру собирался или передумал?

Артём открыл глаза и снова увидел облупленный потолок с трещиной. Реальность всё ещё была здесь — 1990 год, общага, корпус от «Ну, погоди!» на тумбочке. Значит, это был не сон, не галлюцинация и не бред сумасшедшего.

Он сел и потянулся. Мышцы болели после вчерашней ходьбы, но голова была ясной. План на сегодня: кафедра, разговор с Андреичем, потом попытка найти выход на завод. И где-то между делом — раздобыть денег на компоненты, потому что с пустыми карманами далеко не уедешь.

— Который час? — спросил он, протирая глаза.

— Половина девятого. Андреич с десяти утра на кафедре, я специально узнавал у лаборантки.

— Отлично.

Артём быстро умылся, оделся и взял с тумбочки свой черновик со схемой. Паша сунул ему в руку бутерброд — остатки вчерашней колбасы на ломте хлеба, — и он съел его на ходу, спускаясь по лестнице и перепрыгивая через ступеньки.

На улице снова светило солнце, обещая ещё один жаркий день. У входа в общагу стояла та же компания, что и вчера, только теперь без Лены с плеером. Серёга махнул ему рукой и

что-то крикнул про пляж, но Артём только кивнул в ответ и быстрым шагом направился к главному корпусу.

Кафедра теоретических основ радиотехники находилась на третьем этаже, в конце длинного коридора, пахнувшего мелом, машинным маслом и старой бумагой. Дверь была приоткрыта, и из кабинета доносились негромкие голоса.

Он постучал костяшками пальцев по деревянному косяку.

— Войдите, — раздался голос Андреича.

В кабинете было тесно и пыльно. Вдоль стен высились стеллажи с папками, старыми приборами и коробками с радиодетальями. На столе стоял осциллограф, паяльник на подставке и груда плат с напаянными микросхемами. Сам Андреич сидел в кресле и листал какой-то технический журнал. Кроме него, в кабинете никого не было.

— А, Соколов, — преподаватель поднял глаза от журнала. — Заходи, садись. Я, честно говоря, думал, ты не придёшь.

— Почему? — Артём сел на стул напротив и положил черновик на колени.

— Потому что вчера ты был странный. Как будто не ты, а кто-то другой. Я уж подумал — списал откуда-то, сейчас узнаю у кого, и отчислю обоих к чёртовой матери.

— Я не списывал, — спокойно ответил Артём.

— Я уже понял, — Андреич отложил журнал и сцепил пальцы в замок. — Потому и позвал. Рассказывай, что с тобой произошло. Ты месяц ходил на лекции как сонная муха, а вчера выдал ответ уровня дипломника, если не выше. Я тридцать лет преподаю, такого никогда не видел. Это не «дополнительно почитал», Соколов, не надо мне лапшу на уши вешать.

Артём выдержал паузу. Врать не хотелось — Андреич был умным мужиком с богатым опытом и фальшь почувствовал бы моментально. Но и правду сказать он не мог, потому что правду не принял бы ни один нормальный человек.

— Я могу показать кое-что, — сказал он наконец и развернул черновик. — Это объяснит лучше, чем любые слова.

Он положил листок со схемой на стол.

Андреич взял листок, поправил очки на переносице и склонился над ним. Минуту он молча разглядывал рисунок, водя пальцем по линиям, потом перевернул листок, потом снова вернулся к схеме. Его лицо менялось — от скепсиса к удивлению, от удивления к профессиональному интересу.

— Это что такое? — спросил он медленно, не поднимая глаз.

— Архитектура игровой приставки. Восьмибитной. Со сменными картриджами.

— Я вижу, что приставки, — Андреич наконец поднял глаза. — Я спрашиваю — откуда? Я знаю эту архитектуру. Точнее, знаю её ближайшую родственницу. Это Famicom, японская разработка компании Nintendo. Ты не мог её видеть, в Советском Союзе таких нет и никогда не было. Разве что в закрытых военных лабораториях, но туда студентов не пускают.

Артём молчал, давая ему время переварить увиденное.

— Ты где-то достал документацию? — Андреич понизил голос почти до шёпота. — Через знакомых? Из-за границы? От японцев?

— Можно сказать и так, — уклончиво ответил Артём.

— Ладно, не хочешь говорить — не говори, — преподаватель откинулся в кресле, которое жалобно скрипнуло. — Меня другое интересует. Ты понимаешь, что здесь нарисовал? Ты осознаёшь, сколько это будет стоить в производстве?

— Понимаю. Около двухсот-трёхсот рублей за комплект, если покупать детали в розницу. В серии — значительно дешевле, рублей сто-сто двадцать.

— А ты в серии собрался запускать? — Андреич недоверчиво усмехнулся. — Соколов, ты вообще представляешь, что такое запустить серийное производство в нашей стране? Нужен

завод, нужно разрешение от министерства, нужно сырьё, которого нет в свободной продаже. Ты кто такой, чтобы всё это получить? Студент-недоучка, которого чуть не отчислили?

— Я понимаю, что это сложно, — спокойно ответил Артём, глядя ему прямо в глаза. — Поэтому и пришёл к вам. У вас есть связи с заводом. Вы можете помочь.

Андреич долго смотрел на него, потом снял очки и протёр их платком.

— Знаешь, что мне в тебе нравится, Соколов? — сказал он наконец. — Наглость. Раньше её не было, а теперь вдруг появилась. И, должен признать, она тебе идёт гораздо больше, чем апатия.

Он встал и подошёл к окну, заложив руки за спину.

— У меня действительно есть знакомые на Рязанском радиозаводе. Я консультирую их по некоторым техническим вопросам уже много лет. Могу устроить тебе встречу с начальником сборочного цеха. Но учти — я за тебя ручаться не буду, репутацией рисковать не стану. Понравится ему твоя идея — хорошо, дам тебе зелёный свет. Нет — извини, я сделал всё, что мог.

— Этого достаточно, — Артём кивнул. — Когда встреча?

— Дай мне пару дней. Я позвоню заказчику, договорюсь о встрече. А ты пока приведи схему в порядок. Сделай нормальный чертёж на ватмане, спецификацию по ГОСТу, список компонентов с артикулами. Если придёшь к начальнику цеха с мятым клочком бумаги, он тебя выгонит через три минуты, и я его пойму.

— Хорошо, — Артём встал и направился к двери.

— Соколов, — окликнул его Андреич, когда он уже взялся за ручку. — Я не знаю, что с тобой случилось за последние дни. Может, ты влюбился, может, ударился головой, а может, и правда сидел над книгами ночами. Но ты изменился. И, кажется, в лучшую сторону. Так что не подведи меня.

— Не подведу, — сказал Артём.

Дверь закрылась, и он остался в коридоре один. В ушах ещё звучали слова Андреича, и где-то глубоко внутри теплилось чувство, похожее на гордость. Он сделал первый реальный шаг.

Два дня. У него было два дня, чтобы подготовиться к встрече с начальником цеха — человеком, который мог дать ему доступ к производственным мощностям. Это был первый серьёзный рубеж.

Он спустился по лестнице, вышел на улицу и направился в библиотеку. Ему нужна была спецификация, написанная по советским стандартам, с ГОСТами, допусками и нормами. Без этого на заводе его даже слушать не станут, какой бы гениальной ни была схема.

В кармане по-прежнему не было ни копейки. Но теперь это не имело значения.

Он знал, что делает и зачем.

Глава 2

Голос из будущего

Два дня, которые дал ему Андреич, пролетели быстро и незаметно. Артём почти не выходил из читального зала библиотеки, обложившись справочниками, ГОСТами и пожелтевшими подшивками технических журналов за прошлые годы. Он знал схему приставки наизусть, до последнего резистора и конденсатора, но одно дело — держать её в голове, и совсем другое — оформить по советским стандартам так, чтобы начальник цеха не выгнал его с порога, едва взглянув на бумаги.

Советская система технической документации была строгой, многоступенчатой и не прощала небрежности. Каждая микросхема должна была иметь артикул из действующего справочника, каждый резистор — допуск по мощности и отклонению, каждая плата — соответствие отраслевому стандарту с указанием материала и класса точности. Артём просиживал над бумагами по восемь часов в день, сверяясь с таблицами допусков и посадок, перерисовывая линии на миллиметровке и проверяя каждую цифру в спецификации. К концу второго дня у него на руках был комплект чертежей — шесть листов ватмана, исписанных аккуратным чертёжным шрифтом с соблюдением всех отступов и рамок, и пухлая папка со спецификацией, где каждый компонент был расписан до последней гайки, до последнего винтика.

Он сам не ожидал, что справится так быстро. Видимо, многолетний опыт инженерной работы давал о себе знать, даже если тело было молодым, а руки ещё не до конца привыкли к чертёжным инструментам и рейсфедерам.

На третий день, в пятницу утром, Андреич вызвал его на кафедру и коротко сообщил, что встреча с начальником цеха назначена на понедельник. Артём поблагодарил и уже хотел уйти, но преподаватель задержал его, положив руку на плечо.

— Соколов, — сказал он, понизив голос почти до шёпота, хотя в коридоре никого не было. — Я говорил с Михалычем, это начальник сборочного цеха номер семь. Он мужик толковый, грамотный, но осторожный до крайности, семь раз проверит, прежде чем слово дать. Не пытайся ему врать и не обещай того, чего не можешь сделать. Будь честным, говори как есть, и, может быть, что-то получится.

— Я понял, — кивнул Артём.

— И ещё, — Андреич снял очки и потёр переносицу усталым жестом. — Денег у завода нет. Вообще ни копейки. План горит синим пламенем, зарплату задерживают уже второй месяц, поставки комплектующих срываются одна за другой. Если ты думаешь, что тебе дадут станки и людей просто так, по доброте душевной, — выбрось это из головы прямо сейчас. Придётся предлагать что-то взамен, что-то, что принесёт заводу реальные деньги.

Артём снова кивнул. Он знал это и без Андреича. В прошлой жизни он видел, как умирали заводы — медленно, мучительно, с долгами по зарплате, с пустыми цехами и отчаявшимися людьми. Чтобы получить доступ к мощностям, нужно было предложить не просто красивую идею, а готовый, просчитанный план, который принесёт заводу живые деньги в самое ближайшее время.

С этим планом он и шёл сейчас по коридору, обдумывая дальнейшие шаги. Понедельник давал ему три дня форы — пятницу, субботу и воскресенье. Три дня, чтобы раздобыть начальный капитал, без которого все его чертежи и спецификации оставались просто бумагой.

В кармане по-прежнему не было ни копейки. Восемь рублей, с которыми он проснулся в этой жизни, ушли без остатка на два корпуса — игрушечный оранжевый от «Ну, погоди!» и тяжёлый железный от заводского тестера сигналов. Стипендия задерживалась уже вторую

неделю, и когда её выдадут, не знал никто. У родителей просить было стыдно, да и не дали бы они — отец всегда считал, что деньги должны зарабатывать трудом, а не попрошайничеством, и воспитывал сына в той же строгости.

Значит, нужно было заработать самому. Причём быстро.

Он вышел из института и направился в сторону центра, размышляя на ходу. Был жаркий июньский полдень, солнце стояло высоко в зените, и асфальт на тротуарах уже начал плавиться, источая лёгкий запах гудрона. Город жил своей обычной жизнью: женщины с авоськами и хозяйственными сумками спешили по магазинам, мужчины курили у проходных, стряхивая пепел на землю, дети гоняли потёртый футбольный мяч во дворах между панельными пятиэтажками. Никто из них ещё не знал, что через полтора года начнётся совсем другая эпоха, которая перевернёт их привычный мир.

У гастронома на перекрёстке улиц Циолковского и Гагарина снова стояла длинная очередь — на этот раз за сахаром. Артём машинально отметил цену, написанную мелом на картонке, приклеенной скотчем к стеклу: рубль восемьдесят за килограмм, не больше двух кило в одни руки. Через год сахар будет стоить пять рублей, через два — двадцать пять, а сразу после гайдаровской реформы взлетит до небес. А пока люди стояли и терпеливо ждали, переговариваясь о том, что опять всё дорожает и что так жить невозможно.

Он прошёл мимо очереди и свернул к рынку. На этот раз не на радиорынок, а на вещевой, который раскинулся на площади перед автовокзалом. Здесь торговали одеждой, обувью, бытовой мелочью — всем тем, что привозили челноки из Польши, Турции и Китая. Рынок гудел, как растревоженный улей, пах пряностями, дешёвым пластиком, жареными пирожками и ещё чем-то неуловимым, что всегда сопутствует большой торговле.

Артём медленно пошёл вдоль рядов, разглядывая товар и прикидывая цены. Кожаные куртки-косухи — от трёхсот рублей за штуку. Джинсы «Levi's» — двести пятьдесят, если настоящие, а не польская подделка за восемьдесят. Кроссовки «Adidas» с тремя полосками — триста, и то не факт, что оригинал, а не турецкая копия, прошитая кривыми нитками. Кассетный плеер «Sony Walkman» — девятьсот рублей, почти пять полных инженерских зарплат.

Но его интересовало не это.

Он искал товар, который можно было купить дёшево сейчас и продать дорого через месяц, используя знание будущего. Это была старая как мир схема — купи на спаде, продай на пике. Только в 1990 году спадов и пиков было больше, чем в любую другую эпоху, потому что страна неслась в пропасть с бешеной скоростью, и цены прыгали, как испуганные зайцы.

Он остановился у прилавка, где пожилая женщина в тёмном платке торговала посудой — эмалированные кастрюли, сковородки с толстым дном, чайники со свистком. Товар был советским, скучным, без дизайна, но добротным и качественным.

— Почем кастрюля на три литра? — спросил он просто так, чтобы завязать разговор и заодно проверить цену.

— Пятнадцать рублей, — ответила женщина, пододвигая кастрюлю ближе. — Бери, парень, хорошая кастрюля, эмаль ровная, без сколов. Ещё бабушку твою переживёт.

Артём кивнул и пошёл дальше. Пятнадцать рублей за трёхлитровую кастрюлю — это была нормальная, стандартная цена 1990 года. Но он знал, что через год такая же кастрюля будет стоить пятьдесят, а через два — двести. Если бы у него были свободные деньги, он мог бы скупить партию посуды и перепродать её после либерализации цен с тройной прибылью.

Но денег не было. Значит, нужно было найти то, что можно заработать вообще без вложений, на одном лишь знании.

Он вышел с рынка и сел на лавочку в тени старых тополей, которые росли вдоль автовокзала. Нужно было думать, анализировать, перебирать варианты.

Информация. Вот что было его главным капиталом. В будущем информация стоила миллионы, но здесь, в 1990 году, люди ещё не понимали её истинной ценности. Они жили в мире,

где всё решали связи, блат и партийные билеты, а не знания и компетенции. Артём же знал то, чего не знал никто в этой стране. Он знал даты, курсы валют, решения правительства, которые ещё не были приняты. Он мог предсказывать события с точностью до дня.

Как на этом заработать прямо сейчас?

Можно было пойти в газету и предложить платные прогнозы. Но кто станет слушать двадцатилетнего студента без имени и репутации? Можно было играть на валютном рынке — но для этого нужен был стартовый капитал, которого не было. Можно было консультировать бизнесменов — но бизнесменов в Рязани пока ещё почти не существовало, одни кооператоры, которые торговали шапками и кроссовками и не нуждались в консультациях.

Он перебирал варианты один за другим и отбрасывал их, как пустую породу. И вдруг его осенило, словно лампочка зажглась над головой.

Дефицит.

В 1990 году в Советском Союзе был тотальный дефицит всего на свете — от мыла до автомобилей, от колбасы до телевизоров. Люди стояли в очередях за самым необходимым и готовы были переплачивать, лишь бы получить товар без многочасового стояния. Но дефицит был неравномерным, пятнистым. В Москве можно было достать то, чего не было в Рязани. В Прибалтике продавали то, что не доезжало до Центральной России. На Дальнем Востоке лежали японские товары, которые в европейской части страны видели только на картинках в журналах.

Если знать, где какой товар в избытке, и уметь быстро его перебросить, можно было делать деньги буквально из воздуха, на одной лишь разнице цен.

Артём знал географию дефицита. Он помнил, что в Прибалтике в 1990 году были относительно свободные рынки и можно было купить импортную электронику без очереди и без блата. Он помнил, что в Москве на «плешке» — площади трёх вокзалов — фарцовщики толкали японские магнитофоны, плееры и видеокассеты. Он помнил, что через год границы откроются и челноки хлынут в Турцию за кожей и в Китай за ширпотребом.

Но всё это требовало денег, которых у него по-прежнему не было.

Тогда он вспомнил про сахар.

Сахар был стратегическим товаром, одним из столпов потребительского рынка. В 1990 году он стоил рубль восемьдесят за килограмм в государственных магазинах, но купить его было непросто — давали строго по талонам, не больше двух килограммов в одни руки. На чёрном рынке сахар стоил уже пять рублей за кило, и цена росла с каждым месяцем. Через год, после либерализации цен, сахар взлетит до десяти рублей, а потом и до двадцати пяти.

Но Артём знал кое-что ещё. Он знал, что в июне 1990 года в Рязанской области был неурожай сахарной свёклы, и к августу сахар из магазинов исчезнет полностью, выметенный подчистую. Зато в соседней Тамбовской области урожай был отличным, и там сахар пока ещё лежал на полках относительно свободно. Особенно в райцентрах, где были свои сахарные заводы и куда не добирались перекупщики из крупных городов.

Разница в цене между Рязанью и каким-нибудь райцентром Тамбовской области составляла примерно рубль на килограмме. Если купить мешок сахара в том же Уварово за рубль пятьдесят и продать в Рязани оптом по три — чистая прибыль около ста рублей с мешка. Сто рублей за одну поездку. Половина месячной зарплаты инженера.

Но для этого нужен был стартовый капитал в сто пятьдесят рублей. А у него не было даже пятнадцати.

Он снова зашёл в тупик. Деньги нужны были, чтобы заработать деньги, а взять их было неоткуда. Замкнутый круг, из которого, казалось, не было выхода.

Артём поднялся со скамейки и пошёл обратно в общагу, размышляя на ходу. Можно было занять у Паши, но у того самого были копейки, которых едва хватало на еду. Можно было попросить у родителей, но отец не дал бы ни рубля на спекуляции — он был человеком

старой закладки и считал торговлю недостойным занятием для советского человека. Можно было продать что-нибудь из вещей, но продавать было нечего, кроме старых советских джинсов и поношенной куртки.

Оставался последний вариант — найти компаньона с деньгами.

В общаге он застал Пашу за привычным занятием — тот сидел на койке и переписывал конспект по теоретическим основам радиотехники, периодически отвлекаясь на журнал «Юность», который лежал у него на коленях раскрытым на странице с какой-то фантастической повестью.

— Паш, — сказал Артём, садясь напротив и устало вытягивая ноги. — Ты говорил, у тебя есть знакомые с деньгами?

— Есть, — Паша отложил журнал в сторону и сел прямо. — А что?

— Мне нужен займ. Сто пятьдесят рублей на неделю, не больше.

Паша присвистнул и покачал головой, почёсывая затылок.

— Сто пятьдесят? Ты с ума сошёл, Сокол. Где я тебе такие деньги возьму? У меня у самого последняя десятка до стипендии.

— Ты сказал — у тебя есть знакомые.

— Есть, но это не значит, что они будут давать студенту полторы сотни без гарантий и без расписки, — Паша потёр подбородок, обдумывая ситуацию. — А на что тебе вообще такая сумма?

Артём рассказал про сахар, про неурожай в Рязанской области, про Уварово, про разницу в ценах. Паша слушал молча, не перебивая, и по его лицу было видно, что идея нравится ему всё больше и больше.

— Слушай, — сказал он, когда Артём закончил. — У меня есть дядька, он кооператор. Ну, знаешь, держит палатку у автовокзала, торгует всякой мелочью — сигаретами, жвачкой, шоколадом. У него деньги водятся, он недавно машину новую купил. Если я попрошу — может, и даст. Но ему нужна будет доля, и немалая.

— Сколько?

— Половину прибыли, не меньше. Он такой человек, лишнего не упустит и чужого не возьмёт, но и своего не отдаст.

Артём задумался на минуту. Половина прибыли — это много, очень много. С другой стороны, если прибыль составит около шестидесяти рублей, половина — это тридцать рублей в его карман. Тридцать рублей за неделю работы — очень приличные деньги для студента. А главное, это был стартовый капитал для следующих, более крупных операций.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Половина прибыли. Поговори с дядькой завтра утром, не откладывай.

— Договорились, — Паша хлопнул его по плечу и широко улыбнулся. — А ты, Сокол, становишься деловым человеком. Глядишь, через год будешь на «Мерседесе» ездить, как новый русский.

— На «Жигулях» для начала, — усмехнулся Артём. — И то если получится.

На следующий день, в субботу утром, Паша ушёл к своему дядьке договариваться о займе, а Артём решил навестить родителей. Он не был у них с того самого дня, как проснулся в этом времени, и чувствовал за это глухую, саднящую вину. Заводской микрорайон встретил его привычной тишиной: те же панельные пятиэтажки, те же скамейки у подъездов, те же старушки, лузгающие семечки. На клумбе перед домом цвели бархатцы, и их запах смешивался с запахом нагретого асфальта.

Мать открыла дверь и всплеснула руками. Она была в своём обычном ситцевом халате и с бигуди в волосах — явно не ждала гостей. Увидев сына, она просияла и тут же принялась хлопотать: усадила его на кухне, поставила чайник, достала из холодильника всё, что было. Холодильник «Минск» гудел ровно и привычно, и этот звук был Артёму знаком с детства.

— Как ты там, в общежитии-то? — спрашивала мать, нарезая хлеб. — Кормят хоть?

— Кормят, — соврал Артём. — В столовой хорошо готовят.

— В столовой, — мать покачала головой. — Знаю я эти столовские обеды. Одно название. Ты ешь давай, я борщ вчерашний разогрела.

Борщ был наваристым, с говядиной, которую мать достала по блату через знакомую продащицу в гастрономе. Говядина стоила три рубля за килограмм, но купить её без очереди было почти невозможно. Мать выкладывала на стол всё, что было в холодильнике: солёные огурцы, чёрный хлеб, сало, которое привёз кто-то из деревенских родственников. Артём ел и чувствовал, как внутри разливается тепло — не от еды, а от ощущения дома, которое он почти забыл за эти недели.

Отец пришёл с работы позже. Он работал в субботу — на заводе была шестидневка, и начальник участка не мог позволить себе выходной. Николай Петрович вошёл в кухню, вытирая руки старой тряпкой, и молча сел за стол. Мать налила ему тарелку борща, и он принялся есть, не говоря ни слова. Артём смотрел на отца и думал о том, что в прошлой жизни тот умер от инфаркта в девяносто седьмом — прямо на заводе, во время ночной смены. Сейчас, в 1990 году, он был ещё жив, здоров и даже не подозревал о том, что его сердце начнёт сдавать через семь лет.

— Слышал, ты с радиозаводом дела ведёшь, — сказал отец, отодвигая пустую тарелку. — Михалыч звонил, хвалил тебя.

— Есть такое, — ответил Артём.

— Только смотри не зазнайся. Бизнес — дело такое: сегодня ты на коне, а завтра под конём. Я на заводе тридцать лет, всякое видел.

— Я не зазнаюсь, — пообещал Артём.

Отец кивнул и ничего больше не сказал. Но когда Артём уже собрался уходить, он вдруг остановил его в коридоре и сунул в руку десятку — мятую, сложенную в несколько раз.

— Возьми, — сказал он негромко. — Матери не говори.

Артём хотел отказаться, но отец уже повернулся и ушёл в комнату. Он стоял в коридоре, сжимая в кулаке десять рублей, и чувствовал, как к горлу подступает ком. Отец, который всегда считал, что деньги должны зарабатывать трудом, дал ему эти десять рублей просто так — потому что видел, что сыну трудно. Это было больше, чем деньги. Это было признание.

В воскресенье утром Артём встал в пять часов, пока общежитие ещё спало беспробудным сном, и отправился на автовокзал. Десятку, полученную от отца, он не тронул — положил в отдельный карман как неприкосновенный запас. На операцию с сахаром у него были деньги дядьки Паши, и он собирался отработать их до копейки.

Билет до Уварово стоил семь рублей сорок копеек в один конец — чуть дороже, чем до Тамбова, потому что рейс был не прямым, а проходящим, с заездом в несколько райцентров. Автобус оказался старым, потрёпанным «Икарусом» с продавленными сиденьями, залатанными чехлами и стойким запахом бензина в салоне. Артём сел у окна и всю дорогу смотрел на проплывающие мимо поля, перелески и сонные деревни.

Пейзаж за окном был типичным для средней полосы России в июне. Бескрайние поля, засеянные пшеницей и сахарной свёклой, зелёные берёзовые рощи, мелькающие вдоль трассы, покосившиеся деревянные избы с резными наличниками. В деревнях люди жили своей размеренной жизнью, не подозревая о грядущих переменах, которые вот-вот обрушатся на страну. Им было всё равно, кто там в Москве — Горбачёв или Ельцин, — лишь бы зарплату давали вовремя, хлеб был в магазине, а в колодце не пересыхала вода.

В Уварово автобус прибыл около полудня, когда солнце стояло в зените и жара стала почти невыносимой. Артём вышел из душного салона и огляделся, вдыхая горячий воздух, пахнущий пылью и пылью.

Уварово оказалось небольшим, но уютным райцентром с населением тысяч в двадцать, раскинувшимся по берегам реки Вороны. Городок был типично советским: несколько панельных пятиэтажек в центре, частный сектор с деревянными домами и палисадниками на окраинах, пара школ, дом культуры с облупившейся лепниной и обязательный памятник Ленину на центральной площади. Но главное, ради чего Артём сюда приехал, — это Уваровский сахарный завод, один из крупнейших в Тамбовской области, который дымил своими трубами на восточной окраине.

Наличие сахарного завода означало, что сахар здесь был не привозным, а местным, и цены на него должны были быть ощутимо ниже, чем в областном центре. Артём видел завод издали — большое серое здание с высокой кирпичной трубой, из которой валил белый дым. В воздухе пахло жжёным сахаром — сладковатый, немного приторный запах, который ветер доносил до самого центра городка.

Артём перекинул сумку через плечо и не спеша пошёл по главной улице — улице Ленина, — направляясь в сторону рынка, который, по словам словоохотливой женщины на автовокзале, располагался на Базарной площади. Городок жил своей тихой воскресной жизнью: старушки на лавочках лузгали семечки, обсуждая соседей, мужики пили пиво у ларька, дети гоняли на велосипедах по пыльным тротуарам. У гастронома «Ветеран» на углу улиц Ленина и Советской стояла небольшая очередь — человек пять, не больше. Артём машинально заглянул в витрину и прочитал цены, выведенные мелом на картонке: хлеб ржаной — двадцать копеек, молоко — тридцать копеек за литр, масло сливочное — три рубля за килограмм, сахар-песок — рубль сорок пять за килограмм. Рубль сорок пять. В государственном магазине, без очереди и без талонов.

В Рязани сахар стоил рубль восемьдесят по карточкам и до пяти рублей с рук. Разница была очевидной и впечатляющей.

Он прошёл дальше и оказался на Базарной площади — пыльном пространстве, заставленном деревянными прилавками и брезентовыми навесами. Рынок в Уварово был небольшим, но шумным и многолюдным. Здесь торговали всем подряд: овощами и фруктами с собственных огородов, молочными продуктами из окрестных деревень, мясом, рыбой, подержанной одеждой и обувью, какими-то железяками, запчастями для тракторов и автомобилей. Пахло свежей зелены, парным молоком и навозом — запахи, которые в городе почти не встречались.

Артём прошёлся по рядам, прицениваясь и запоминая цифры. Молодая картошка — тридцать копеек за килограмм, ранняя капуста — двадцать пять, огурцы — сорок, помидоры — пятьдесят. Свинина на мясном ряду — три пятьдесят за кило, говядина — три рубля, сало — два пятьдесят. Молочный ряд предлагал творог по рубль двадцать, сметану по рубль сорок, масло сливочное по три рубля — ровно столько же, сколько в магазине. Видно было, что частники и государственная торговля здесь сосуществовали мирно, без демпинга и конфликтов. Люди торговались, спорили, но без злобы — скорее по привычке, как делали их отцы и деды.

Он нашёл продуктовый ряд и подошёл к прилавку, где дородная женщина в цветастом ситцевом платке и чистом фартуке торговала мешками с сахарным песком. Мешки стояли ровным рядком, прислонённые к деревянному поддону, и на каждом была приколотая бумажная бирка с весом. Женщина оживлённо беседовала с соседкой, обсуждая последние новости — что-то про Горбачёва и про то, что опять всё дорожает, и как дальше жить, непонятно.

— Здравствуйте, — сказал Артём, подходя к прилавку и стараясь говорить уверенно. — Почем сахар?

— Рубль пятьдесят, если мешок целиком, — ответила женщина, прерывая разговор. — В мешке пятьдесят килограммов, итого семьдесят пять рублей. Бери, сахар хороший, свекольный, без комков, прямо с завода.

— А по рубль сорок не отдадите? — спросил Артём больше для проформы.

— Парень, у меня муж на заводе двести рублей получает, а ты хочешь, чтобы я тебе по рубль сорок отдавала? — женщина усмехнулась и покачала головой. — Нет, рубль пятьдесят, и точка. Бери или не бери, другие возьмут.

Артём кивнул. Он и не надеялся сбить цену — просто проверил, есть ли возможность торговаться. Торговаться здесь не привыкли, цену называли твёрдую и держали её до конца.

— Беру мешок, — сказал он и отсчитал семьдесят пять рублей — три купюры по двадцать пять рублей, новенькие и хрустящие.

Женщина помогла ему взвалить мешок на плечо, и Артём, пошатываясь под тяжестью, потащил его к автовокзалу. Пятьдесят килограммов — это был приличный вес, даже для молодого тела. К концу пути спина взмокла от пота, рубашка прилипла к телу, а руки начали дрожать от напряжения, но он упрямо шёл вперёд, стиснув зубы.

У автовокзала он купил билет на обратный рейс — те же семь рублей сорок копеек, — сдал мешок в багажное отделение и устроился на заднем сиденье «Икаруса». До отправления оставалось около часа, и он успел зайти в привокзальный буфет, где взял два пирожка с капустой по восемь копеек и стакан горячего чая с сахаром за пять копеек. Пирожки были свежими, с хрустящей корочкой и сочной начинкой — такими, каких в будущем уже не пекли, заменив всё фастфудом и замороженными полуфабрикатами.

Он сидел у окна, ел пирожки и смотрел на уваровский автовокзал — маленькое одноэтажное здание с облупившейся штукатуркой, — на людей, спешащих с чемоданами и сумками, на голубей, которые ворковали под карнизом. В голове крутились цифры будущей прибыли, и на душе было спокойно и даже радостно. Он сделал первый шаг, и шаг этот оказался правильным.

Обратный автобус отправлялся в два часа дня. Артём занял своё место у окна и всю дорогу смотрел на проплывающие мимо пейзажи — те же поля и перелески, что и утром, но теперь залитые золотым послеполуденным солнцем. Мешок с сахаром лежал в багажном отделении, и с каждым километром, отделявшим его от Уварово, его стоимость в голове Артёма увеличивалась.

В Рязань он вернулся к вечеру, около шести часов. Паша ждал его у автовокзала, нервно прохаживаясь вдоль остановки и поминутно поглядывая на часы.

— Ну что, привёз? — спросил он вместо приветствия, подбегая к Артёму.

— Привёз, — Артём кивнул на мешок, который выгружал из багажного отделения водитель. — Пятьдесят килограммов уваровского сахара. Давай тащить к твоему дядьке, пока не стемнело.

Они вдвоём подняли мешок и понесли его к ларьку на Приокском, делая короткие остановки для передышки. Дядька Паши, грузный мужчина лет пятидесяти с густыми усами, золотым перстнем на пальце и вечной хитринкой в глазах, встретил их с недоверием, но без враждебности. Он осмотрел мешок, развязал горловину, зачерпнул сахар широкой ладонью, попробовал на язык, причмокнул.

— Хороший сахар, свекольный, без примесей, — признал он. — Уваровский?

— Уваровский, — подтвердил Артём. — С завода.

— Сколько хочешь за кило?

— По три рубля — мешок ваш целиком, — сказал Артём. — В розницу продадите по пять — чистая прибыль сто рублей с мешка. Пополам, как договаривались.

Дядька прищурился, подсчитывая в уме и шевеля губами.

— По три — это сто пятьдесят за мешок. Ты его купил за сколько?

— За семьдесят пять. Плюс дорога — четырнадцать восемьдесят туда-обратно.

— Значит, чистой прибыли шестьдесят один рубль сорок копеек, — дядька хмыкнул и покачал головой. — Делим пополам — по тридцать рублей семьдесят копеек на брата. Негусто, но для начала пойдёт.

Он отсчитал сто пятьдесят рублей основного долга и добавил сверху тридцать рублей семьдесят копеек — мелочью, которую долго собирал по карманам и из кассы. Артём взял деньги и аккуратно пересчитал. Сто восемьдесят рублей семьдесят копеек. Сто пятьдесят нужно было оставить как оборотный капитал для следующей поездки, так что чистой прибыли у него оставалось тридцать рублей семьдесят копеек.

Тридцать рублей семьдесят копеек за один день работы.

Для сравнения, его отец на заводе получал двести рублей в месяц за тяжёлый труд по восемь часов в день. А он заработал полторы дневных нормы инженера за одну поездку в Уварово и обратно.

— На следующей неделе можно повторить, — сказал Артём, пряча деньги во внутренний карман. — Только теперь возьму два мешка.

— А спина не треснет? — усмехнулся дядька, закуривая папиросу.

— Не треснет.

Они с Пашей вышли из ларька и направились в общагу. По дороге Паша оживлённо обсуждал перспективы сахарного бизнеса и строил грандиозные планы, как они будут расширять дело, купят грузовик и начнут возить сахар тоннами.

— Слушай, Сокол, — сказал он вдруг, замедляя шаг. — А если не только сахар? Может, ещё что-то можно так же возить? Масло, муку, крупы, сигареты?

— Можно, — кивнул Артём. — Всё, что дорожает. Но для этого нужно знать, где что дешевле и где что дороже. А это информация, и она не всегда доступна.

— И ты знаешь?

— Кое-что знаю, — уклончиво ответил Артём.

Они дошли до общаги и поднялись в свою комнату на четвёртый этаж. Артём сел на койку и высыпал деньги на одеяло. Сто восемьдесят рублей семьдесят копеек — купюры по двадцать пять рублей и горка мелочи. Он разделил их на две неравные части. Сто пятьдесят рублей отложил на следующий рейс в Уварово — теперь уже за двумя мешками, потому что после возврата долга дядьке это были полностью его собственные оборотные средства. Оставшиеся тридцать рублей семьдесят копеек оставил себе на жизнь, потому что нужно было что-то есть, на что-то покупать бумагу и карандаши для чертежей и как-то добираться до завода. Отцовскую десятку он по-прежнему не трогал — она лежала в отдельном кармане, как неприкосновенный запас на самый чёрный день.

Завтра была встреча с начальником цеха, и к ней нужно было подготовиться как следует.

Паша уже спал, раскинувшись на своей койке и тихонько посапывая. Артём сидел за столом, при свете настольной лампы, и перебирал в памяти события дня. Он думал о том, как странно всё сложилось: ещё три дня назад он проснулся в общежитии с восемью рублями в кармане и паникой в глазах, а сегодня уже провернул первую сделку и стоял на пороге серьёзного разговора с начальником цеха. Всё менялось быстро, даже слишком быстро, но он не жаловался. Он знал, что впереди ещё много работы, и был к ней готов.

Он достал из ящика стола старый блокнот — тот самый, который начал вести в первый день после пробуждения. На первой странице было написано: «15 мая 1990. Проснулся в общежитии. В кармане 8 рублей. Не понимаю, что происходит». Сегодня он дописал несколько строк: «20 июня 1990. Первая сделка. Сахар из Уварово. Прибыль — 30 рублей 70 копеек. Завтра — встреча с Михалычем. Отец дал 10 рублей. Не тратить».

Он закрыл блокнот и спрятал его под матрас. Завтра начиналась новая глава его жизни, и он должен был встретить её во всеоружии.

Утро понедельника выдалось хмурым и дождливым. С запада надвигались тяжёлые серые тучи, обещая затяжной ливень, и порывистый ветер гнул верхушки тополей, срывая с них пух. Артём надел свою лучшую рубашку — ту самую, клетчатую, но тщательно выглаженную утюгом на вахте и застёгнутую на все пуговицы, — и отправился на Рязанский радиозавод.

Завод располагался на окраине города, в промзоне за железной дорогой. Это было огромное предприятие, занимавшее несколько кварталов, с собственными подъездными путями, высокой кирпичной трубой котельной и даже маленькой электростанцией, которая снабжала энергией весь микрорайон. В лучшие годы здесь работало больше десяти тысяч человек, но сейчас завод дышал на ладан. Заказов от министерства почти не было, оборонные программы сворачивались одна за другой, а гражданская продукция — усилители, приёмники, блоки питания — никому не была нужна.

Артём подошёл к проходной — двухэтажному зданию из серого силикатного кирпича с зарешеченными окнами, — назвал вахтёру свою фамилию и предъявил студенческий билет. Вахтёр, пожилой мужчина с седыми усами и в тёмно-синей форме, сверился со списком, лежавшим под стеклом на столе, кивнул и выдал гостевой пропуск, попросив расписаться в журнале учёта.

— Цех номер семь, — сказал он. — Прямо по главной аллее, потом налево, увидите вывеску.

Артём пошёл по территории завода. Кругом стояли серые корпуса с облупившейся масляной краской на стенах, трубы теплотрассы дымили, выбрасывая в небо белый пар, пахло машинным маслом, горячим металлом и ещё чем-то химическим. Рабочие в синих спецовках курили у входа в цеха, перебрасываясь короткими фразами и поглядывая на хмурое небо. Всё это было смутно знакомо ему по детству — в восьмидесятые он иногда заходил к отцу на приборный завод, и заводская атмосфера с тех пор почти не изменилась. Разве что людей стало заметно меньше, а лица у оставшихся были более хмурыми и озабоченными.

Цех номер семь оказался большим одноэтажным зданием с высокими, почти до крыши, окнами и широкими металлическими воротами для въезда грузовиков. Внутри пахло канифолью, оловом и нагретой пластмассой — запахи, которые Артём узнал бы из тысячи. Сборочный цех. Здесь паяли печатные платы, устанавливали компоненты, собирали готовые изделия и проверяли их на тестовых стендах.

Начальник цеха, Михалыч, ждал его в маленьком кабинете, отгороженном от основного помещения стеклянной перегородкой. Это был коренастый мужчина лет пятидесяти пяти, с седым ёжиком коротко стриженных волос и усталыми, но внимательными серыми глазами. На нём был тёмно-синий рабочий халат, а на шее висели очки на тонкой цепочке — точь-в-точь как у Андреича, только без дужек.

— Значит, ты и есть Соколов, — сказал Михалыч, не вставая из-за стола. — Андреич про тебя рассказывал. Говорит, гений. Садись, показывай, с чем пришёл.

Артём сел на жёсткий стул и выложил на стол папку с чертежами и спецификацией. Михалыч взял бумаги, надел очки и углубился в изучение, время от времени хмыкая и покачивая головой. Он читал долго, минут двадцать, периодически задавал уточняющие вопросы — почему выбран именно этот тип памяти, чем обосновано использование дискретной логики вместо заказной микросхемы, какой планируется процент брака при пайке. Артём отвечал чётко и по делу, не углубляясь в лишние детали, но показывая, что разбирается в предмете на уровне профессионального инженера.

— Значит, игровая приставка со сменными картриджами, — подытожил Михалыч, откладывая бумаги в сторону. — Архитектура японская, но схемотехника своя. Компоненты в основном отечественные, кроме процессора. Я правильно понимаю?

— Так, — подтвердил Артём. — Процессор нужен импортный или его советский функциональный аналог, 580BM80. Но аналог хуже по производительности и по энергопотреблению, и под него придётся переписывать прошивку практически с нуля.

— А прошивка у тебя есть?

— Будет.

— Будет или есть? — Михалыч прищурился.

— Будет через месяц, — твёрдо сказал Артём, глядя ему прямо в глаза. — Мне нужно оборудование для отладки, осциллограф, программатор ПЗУ и доступ к тестовому стенду.

Михалыч снял очки и потёр глаза, явно обдумывая услышанное. Видно было, что он устал и что разговор даётся ему нелегко.

— Ты понимаешь, парень, в каком мы сейчас положении? — спросил он после долгой паузы. — Завод на ладан дышит, план горит, зарплату задерживают, люди бегут. Ты предлагаешь мне взять твою схему и запустить её в производство. Но чтобы запустить, нужны материалы, нужны станки, нужны рабочие руки. А у меня ничего этого нет. Вернее, есть, но нет денег, чтобы всё это задействовать. Замкнутый круг.

— Я не прошу запускать производство прямо сейчас, — спокойно ответил Артём. — Я прошу дать мне угол в цехе, доступ к программатору и пару часов в день паяльщика. Я сам соберу прототип, сам отлажу прошивку, сам докажу, что это работает. А когда прототип будет готов и проверен — вот тогда и поговорим о серии.

Михалыч долго молчал, глядя в окно на серое небо и морозящий дождь.

— А ты наглый, — сказал он наконец. — Молодой, а наглый. Это хорошо, это правильно. Ладно, дам тебе угол в цехе. Но с условием: если через месяц не покажешь работающий прототип — выгоню, и больше не приходи. Уговор?

— Договорились, — Артём встал и протянул руку.

Михалыч пожал её, и рукопожатие оказалось крепким, мозолистым — рука человека, который привык работать сам, а не только руководить.

— С завтрашнего дня можешь приходить, — сказал он. — Спросишь мастера Григорьева, он покажет твой стол и выдаст инструмент.

Артём вышел из цеха с чувством глубокого удовлетворения. Он сделал ещё один важный шаг. У него было помещение, доступ к оборудованию и месяц на создание работающего прототипа. Это было больше, чем он мог надеяться, начиная с нуля три дня назад.

Дождь, который собирался всё утро, наконец пролился — крупными частыми каплями, барабанившими по крышам цехов. Артём стоял под козырьком проходной, пережидая ливень, и смотрел, как вода стекает по асфальту, унося с собой пыль и тополиный пух. Завтра начиналась настоящая работа, и он знал, что времени терять нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.